

Современная интерпретация звукового закона в германистике

Считается, что проблема звуковых законов в наше время не является актуальной. Общепринято думать, что данная тема, бурно обсуждаемая в период младограмматизма, исчерпала свою проблемность и не представляет никакого интереса для современной лингвистики. Но, как уже мы утверждали в ранних публикациях, сейчас, вследствие обновления науки в XX веке, в свете пересмотра основ научного познания, актуальной является проблема общенаучного понятия закона. И в контексте проблематизации понятия научного закона звуковые законы обретают новую актуальность [13: 48].

Свою проблемную значимость звуковые законы приобрели в период младограмматизма, как результат жесткой полемики между младограмматиками и их критиками. Младограмматизм, как новое направление в языкознании, наиболее полно отразившее преобладавшие идеи своего времени, возник в последней четверти XIX века. Представителями данного течения считаются такие известные немецкие лингвисты, как Г. Остгоф, К. Бругман, А. Лескин, Г. Пауль, Б. Дельбрюк. К этому движению примкнули такие языковеды, как К. Вернер, В. Томсен, С. Бугге, М. Бреаль и другие. К позициям младограмматизма в той или иной степени приближались также Ф. де Соссюр (на первом этапе своей деятельности), Ф.Ф. Фортунатов и другие.

Основные принципы младограмматизма были сформулированы в «Предисловии» Г. Остгофа и К. Бругмана к первому тому «Морфологических исследований в области индоевропейских языков» [20], опубликованном в 1878 году, где выдвигались и защищались три положения:

«1) Исследование современных живых языков и их диалектов должно быть приоритетным, ибо они (в отличие от древних языков и литературного языка, созданного под контролем человека) могут служить базой для установления лингвистических и психологических закономерностей.

2) Очень важную роль в процессе создания новых языковых форм и вообще в фонетико-морфологических изменениях играет аналогия.

3) Каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, то есть направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвует в этом процессе» [4: 194].

Именно положение о звуковых законах вызвало широкий резонанс среди лингвистов того времени и подвергалось острой критике на протяжении всего младограмматического периода, а также и после него. До сих пор данная проблема не имеет однозначного решения, и, несмотря на ее кажущуюся «неактуальность», судьба понятия звукового закона крайне не проста в сравнительно-историческом языкознании.

Младограмматикам же звуковые законы были необходимы для построения лингвистики как науки, поскольку для получения статуса науки того времени необходимы были научные законы, как, например, законы в физике или химии. Вот что по этому поводу писали Г. Остгоф и К. Бругман: «... только тот, кто строго учитывает действие звуковых законов, на понятии которых зиждется вся наша наука, находится на твердой почве в своих исследованиях» [4: 194].

Основным же критерием звуковых законов, как видно из положения Остгофа и Бругмана, первоначально выступали непреложность и последовательность этих законов. Именно декларация этих критериев явилась

основным объектом критики, что впоследствии стало причиной острого интереса к самому понятию звукового закона. И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Г. Шухардт и Л. Блумфилд выступали против употребления самого понятия «закон» применительно к фонетическим изменениям. Так, Ф. де Соссюр пишет, что «для лингвистики было бы величайшим благодеянием избавиться от понятия “закон”» [15: 125]. Бодуэн де Куртенэ писал, что «нет никаких “звуковых законов”» [2: 205] и что «понятие “звуковых законов” должно быть окончательно отброшено языкознанием» [цит. по 16: 80]. Блумфилд называл их «опасной метафорой» [1: 381].

Как видно, самих фактов и обобщений, называемых звуковыми законами, никто не отрицал, критиковалось лишь понятие «звуковой закон». Таким образом, критики выступали против механистичности этих законов, то есть попытки младограмматиков придать им естественнонаучный характер. Само понятие закона в науке в целом представлялось ясным и неоспоримым, как, например, законы Ньютона в механике. Проблема же звуковых законов (поскольку звуки воспроизводятся человеком) виделась в том, насколько они (законы) могут подходить к материалам человеческого языка. Как следствие младограмматикам пришлось не только формулировать факторы, ограничивающие звуковые законы, но и дать четкое определение понятию «звуковой закон», дать четкую интерпретацию тому, что принято считать звуковым законом. Так, Пауль в своем труде «Принципы истории языка» писал: «Прежде всего необходимо уяснить себе, что вообще следует понимать под звуковыми законами. Слово „закон“ употребляется в весьма различных значениях, что легко может привести к путанице. Понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии... Звуковой закон не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определенной группы исторических явлений» [10: 87].

Как видно, критика звуковых законов была довольно жесткой и бескомпромиссной, что привело к тому, что многие лингвисты того времени стали избегать употребления данного понятия в своих исследованиях, заменяя его понятием «звуковые регулярности», или же, употребляя понятие «закон», добавляли выражение «так называемые» и брали это слово в кавычки. Однако же примечательно и то, что критикам не удалось окончательно изгнать звуковые законы из лингвистики, поскольку закон Гримма, закон Вернера и прочие исторически утвердившиеся законы остались и официально назывались «законами». Очевидно, что проблема осталась актуальной и судьба данного понятия не была решена и к середине XX века, когда в лингвистике появилось такое новое понятие, как «языковые универсалии». Так, Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс определили языковые универсалии как «обобщенные высказывания о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке» [3: 118]. Авторы «Меморандума» утверждали, что языковые универсалии составляют самые общие законы лингвистики [3: 118]. Таким образом, возникает вопрос, являются ли языковые универсалии решением вопроса закона в лингвистике. Однако же Гринберг говорит: «When we think of universals we think of laws» («Когда мы думаем об универсалиях, мы подразумеваем законы») [19: 146]. Здесь мы придерживаемся точки зрения В.П. Литвинова, который не соглашается с данным тезисом, называя универсалию в данном контексте «еще более претенциозным словом» [9: 74], призывая тем самым к чуть большей научной трезвости.

В попытке разрешить проблему критики понятия закона возникает вопрос о возможности замены понятия звукового закона понятием универсалии. При попытке сделать это, мы сталкиваемся с такой проблемой, что универсалии, типы которых обсуждались американцами на известной конференции, по своей сути являются синхроническими, звуковые законы – диахроническими.

Кроме того, звуковые законы имеют дело с частными фактами конкретных языков, в то время, как универсалии – это обобщения, необходимые для систематизации общеязыковых явлений. Так, Дж. Гринберг, признавая «определенные регулярности, называемые “законами”, как, например, закон Гримма, закон Грассмана и т.д.», иронически спросил, «не является ли китайский язык исключением из закона Гримма?» [19:146]. Тем самым он хотел показать неуниверсальность данных законов как законов науки. Однако, размышляя о диахронических универсалиях, мы находим справедливыми сомнения Г. Хёнигсвальда о том, правомерно ли применять по отношению к универсалиям понятия синхронии и диахронии. При этом мы учитываем, что синхронической считается такая система, в которой все элементы составляют единую совокупность; диахронической считается такая система, элементы которой разбиты не менее чем на две совокупности, каждая из которых есть синхроническая система. Мы придерживаемся точки зрения Ю.В. Рождественского, который считает, что лингвистические универсалии не относятся к понятиям синхронии и диахронии. Он предлагает отнести их к панхронии [14: 10].

Как известно, критика звуковых законов нашла свое начало в эпоху субъект-объектного материализма в науке, главной целью которой было открытие научных законов. Однако данная критика, как нам кажется, поставила перед учеными еще более глобальную проблему, которая прежде не рассматривалась: какова сущность научного закона? Постановка данного вопроса стала возможна и в силу методологического кризиса в науке в начале XX века.

Огромное влияние на обновление данной проблемы оказал Э. Гуссерль. Именно его феноменологическая концепция обратила внимание науки и философии на проблему научного закона. И если в XIX веке признавалась лишь одна рациональность – научный разум, и в период господства научного закона

теория как форма знания доминировала, то в XX веке разные типы мышления культивируются как независимые [13: 50]. Так, по В.П. Литвинову, существуют прожективные (связаны с проектированием, программированием и планированием и ориентированы на развитие), интерпретативные (консервативны и направлены на сохранение ценностей) и реконструктивные (напрямую обращены к прошлому как к своему предмету) мыслительные формы [8: 102-129]. В данном контексте интересно утверждение Г.Г. Копылова: «Открытие новых законов природы было важнейшим делом для ученых вплоть до XIX века; затем важнее всего было достичь единой научной картины мира, затем – технологического успеха, сейчас – рыночного продвижения, основанного на формировании новой картины мира, смысла или “социальной потребности”; формулировка новых законов отеснена на далекую периферию научной сферы» [6: 179].

«Достижением научной картины мира», то есть проблемой определения методологии науки в XX веке занимались такие видные ученые и философы, как Э. Гуссерль и его феноменологическая концепция, К. Поппер и его фальсификационистская концепция, Т. Кун и его «парадигмы», И. Лакатос и его «научные программы», Г.П. Щедровицкий и его СМД-методология и другие. Следует отметить, что именно с попыткой создания научной картины мира происходит и проблематизация понятия научного закона.

Поскольку назначением науки XVIII-XIX веков было принято считать поиск истины, поиск ответов на кардинальные вопросы бытия человека, то считалось, что наука исследует непосредственно саму природу, занимается истинными «законами природы».

Однако осмысление того, что наука имеет дело с идеальными, а не реальными объектами, заставило ученых взглянуть на научные законы с абсолютно нового ракурса искусственности данных законов. А. Пуанкаре в своей книге «О науке» объяснял, что он постоянно заменяет мир системой

простых символов не по профессиональной привычке математика, а потому что к этому его вынуждает сама природа рассматриваемого вопроса: «...мир Бергсона не имеет законов, иметь их могут лишь более или менее искаженные картины мира, которые создают ученые. Когда говорят, что природа подчиняется законам, под этим подразумевают, что такой портрет обладает достаточной степенью сходства. О нем и только о нем мы можем размышлять, не опасаясь, что сама идея закона обратится в ничто» [12: 541]. С нашей точки зрения А. Пуанкаре дает удачное резюме понимания сущности науки в XX веке: «... наука состоит из одних условных положений, и своей кажущейся достоверностью она обязана единственно этому обстоятельству; научные факты и тем более законы суть искусственное творение ученого; поэтому наука отнюдь не в состоянии открыть нам истину, она может служить нам только как правило действия» [12: 326].

С пониманием того, что наука изучает идеальные, а не реальные – природные – объекты, и как следствие, осознание того, что установление истины не является целью ученых, понятие научного закона теряет свою незыблемость. «Законы природы» перестают быть чем-то само собой разумеющимся. Именно в этот момент происходит проблематизация научного закона, по сути «фундамента» науки. Под новым углом зрения ученые и философы пытаются осмыслить и понять, а также определить статус закона в науке. Еще И. Кант в «Критике чистого разума» говорил, что «наш разум не выводит свои законы из природы, а налагает их на природу» [5: 114]. А К. Поппер писал: «мы говорим о “законе природы” только в том случае, если считаем, что имеем дело с регулярностью, которая не изменяется, а если вдруг мы обнаруживаем, что она изменяется, то больше не называем ее “законом природы”» [11: 277]. В свою очередь Г.П. Щедровицкий говорил, что «если мы помним историю физики, то должны были бы знать, что всем известные законы

кинематики точки – $s=gt^2/2$ или $s=v_0t+gt^2/2$ – совсем не описывают того, что происходит в природе. Это – законы идеальных объектов» [17: 313].

Особое внимание нам хотелось бы обратить на высказывание Г.П. Щедровицкого «законы идеальных объектов». В своих размышлениях по поводу успеха современной физики он утверждал, что данный успех был связан с тем, что физика отказалась от причинного и механизмического объяснения исследуемых объектов и стала искать их законы. Понятие закона, по его мнению, было неразрывно связано с натуралистическим подходом и внедрялось в науку по мере распространения натуралистических представлений. И это требовало представления изучаемых процессов как вечных и неизменных, как абсолютных [17: 310].

Таким образом, возникает интересный парадокс. Критика звуковых законов в конце XIX века возникла на основе того, звуковые законы имеют ограничения во времени и пространстве, то есть они не являются универсальными для фактов языка, как научных объектов, поскольку они формулировались для языка как идеального объекта, то есть для «среднего языка» словами младограмматиков. Ограничения же возникли под натиском реальных фактов. А в XX веке приходит понимание того, что научные законы формулировались для идеальных объектов, для которых абсолютность и универсальность являлись допущением, чего не гарантировали реальные объекты. А после открытия Эйнштейном теории относительности в начале XX века знаменитые законы механики тоже перестали быть универсальными, оставаясь действительными для своей области функционирования. Как видно, в данном контексте ограничения звуковых законов как бы сами прочерчивали границу действия данных законов, а значит, звуковые законы имели полное право называться «законами».

Необходимо отметить, что в XIX веке сама «научность» науки понималась как необходимое допущение о законсообразности во всякой объективной

действительности. Можно сказать, что было что-то вроде «закона научности», требовавшего, чтобы были «законы». По этой причине и пытались формулировать «законы языка» и «законы в языке». Однако при этом перед учеными ставился вопрос, является ли языкознание наукой. Наличие законов в лингвистике определило бы ее как науку. Но никто в XIX веке не поставил бы под сомнение понятие закона в науке вообще.

Не следует забывать, что наука вплоть до XX века строилась в рамках традиционного и неоспоримого субъект-объектного материализма. В определении методологической сущности данной рациональности нам интересна теория научно-исследовательских программ И. Лакатоса, который, говоря о науке, утверждал, что научная программа складывается из методологических правил: часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать. Данные правила он называл отрицательной эвристикой. Другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти. Эту часть он называл положительной эвристикой. Действие своих положительной и отрицательной эвристик И. Лакатос показывает на примере научных открытий и научных законов из истории физики, которые подтверждают правоту его концепции [7: 135-154].

Примерка концепции исследовательских программ И. Лакатоса к звуковым законам показала, что звуковые законы вполне соответствуют статусу научного закона, а лингвистика – статусу науки в понимании ученых XIX века. Так, по И. Лакатосу, у всех исследовательских программ есть «твердое ядро». Таким твердым ядром в исторической фонетике немецкого языка может выступить закон Гримма. И как нам известно, в данном законе были аномалии – исключения, которые не позволяли признать данный закон абсолютным. Однако отрицательная эвристика запрещает трогать «твердое ядро», призывая образовать «защитный пояс» вокруг этого ядра, выдвигая и развивая «вспомогательные гипотезы» с целью объяснить имеющиеся аномалии. И.

Лакатос утверждает, что защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом окостеневшее ядро, «он должен приспособливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны» [7: 135-136]. Так, закон Гримма, имевший несколько исключений, оброс впоследствии таким «защитным поясом», состоящим из законов Вернера, Хольцмана и Грассмана. Данные законы объясняли все исключения из закона Гримма, тем самым делая данную исследовательскую программу успешной. Таким образом, и с методологической точки зрения претензия звуковых законов на статус научного закона кажется обоснованной. Здесь, однако, хотелось бы отметить, что для нашей работы важна проблема понятия звуковых законов в свете проблематизации понятия закона в науке.

Как отмечалось ранее, в XIX веке была невозможна постановка вопроса о статусе закона в науке, что стало возможным с переоценкой сущности науки уже в начале XX века. В связи с этим мы находим интересное утверждение Зиммеля: «...kein Gesetz bestimmt, dass es Gesetze überhaupt und diese bestimmten Gesetze geben müsse» [21: 130]. («Никакой закон не требует, чтобы были законы вообще и эти законы в частности»). Как видно, в XX веке закон перестал быть критерием науки, в то время как лингвистика являлась уже общепризнанной наукой. И для этого ей не было необходимости формулировать научные законы. Лингвистика в XX веке осталась бы наукой, даже если бы она отказалась от всех своих ранее сформулированных законов, и звуковых законов в частности. Однако же этого не произошло, и звуковые законы в лингвистике остались «звуковыми законами», как научные законы остались в науке.

Таким образом, **с точки зрения современной методологии вопрос о «реалистичности» научного закона беспредметен. Научный закон представляет собой теоретическое обобщение разнородных данных, в свете которого объект проявляет себя как фундаментально упорядоченный.**

Этим может быть оправдано метонимическое выражение, что «закон принадлежит объективной реальности». Разумно в этом смысле, что с заменой исследовательских программ в лингвистике в частности ученые не отказались от данного понятия, поскольку термин удобен и прост.

Тем не менее яростная критика звуковых законов в частности, и, как следствие, законов в лингвистике вообще вынуждало лингвистов искать другие возможности оформления лингвистики в рамки науки. Одним из таких вариантов выступили лингвистические универсалии. Так, одна из универсалий порядка слов по Гринбергу, выраженная тетричной таблицей, выглядит следующим образом [18: 97]:

	NRel	RelN
DemN	X	X
NDem	X	–

Этим означает, что указательное местоимение постпозитивно к имени, если в этом языке придаточное определительное также постпозитивно. Но обратное неверно. Постпозитивное придаточное определительное может быть правилом в любых языках. Налицо законообразность данного утверждения, однако оно называется «универсалией», а не «законом». Возникает вопрос, почему. Ведь данную корреляцию можно было бы назвать «законом Гринберга». По нашему мнению, есть несколько причин для того, чтобы не употреблять понятие закона в данном случае. Во-первых, следует отметить, что это – не единственная универсалия Гринберга, в отличие от законов Гримма, Грассмана и т.д., где данные законы были действительно открытиями. Во-вторых, это – теоретическое решение второй половины XX века, когда открытие законов не было таким «модным делом», как в XIX веке. И в-третьих, как уже говорилось, XX век был веком множества рациональностей, и лингвистика не стала исключением. Если в XIX веке доминирующим, что значит – единственно приемлемым, был сравнительно-исторический метод, то в

XX веке параллельно существовало множество методов исследования языка: сравнительно-историческое языкознание, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, типология языков и т.д. И каждый метод преследовал различные цели в исследовании языка, где открытие законов уже не имело такого значения. Так, универсалии языков формулировались в контексте типологии языков в XX веке, а звуковые законы – в контексте истории языковых семей и групп, то есть в сравнительно-историческом языкознании. Данные методы являются параллельными в лингвистике, преследуют разные цели, используют разные инструменты и терминологию, следовательно, нет необходимости именовать факты и явления, исследуемые в одном контексте, терминологией, используемой в другом контексте. У каждого из данных методов есть свои критерии, как и каким образом называть регулярные корреляции в истории звуков.

Таким образом, не следует задавать единые критерии, определяющие, какие из регулярных корреляций в истории звуков следует или не следует называть «законами». В каждом отдельном случае решение принимает лингвист, занимающийся данной проблемой в зависимости от контекста его работы.

Библиографический список

1. Блумфилд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968.
2. Бодуэн де Куртенэ, И.А., Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т.2. – 392 с.
3. Гринберг, Дж., Остгуд, Ч., Дженкинс, Дж. Меморандум о языковых универсалиях [Текст] / Дж. Гринберг и др. // Зарубежная лингвистика №2 – М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. – с. 118-131.

4. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1964. – Ч.1. – 466 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1994.
6. Копылов, Г.Г. К вопросу о природе «научных революций» [Текст] / Г.Г. Копылов // Методология: вчера, сегодня, завтра. Том 2 – М.: Изд-во школы культурной политики, 2005. – 157-186.
7. Лакатос, И. Методология научно-исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос // Вопросы философии - №4, 1995. – с.135-154.
8. Литвинов, В.П. Полилогос: проблемное поле. [Текст] / В.П. Литвинов. – Тольятти: Изд-во Международной академии бизнеса и банковского дела, 1997 – 180 с.
9. Литвинов, В.П. Гуманитарная философия Г.П. Щедровицкого [Текст] / В.П. Литвинов. – М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2008. – 408 с.
10. Пауль, Г., Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. – 500 с.
11. Поппер, К. Логика и рост научного знания. Избранные работы [Текст] / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с.
12. Пуанкаре, А. О науке [Текст] / А. Пуанкаре. – М.: Наука, 1990. – 736 с.
13. Рахимбирдиева, И.М. Научные критерии понятия звукового закона в лингвистике [Текст] / И.М. Рахимбирдиева // Вестник ПГЛУ. – 2009 – № 3. – с.48-51.
14. Рождественский, Ю.В. О лингвистических универсалиях [Текст] / Ю.В. Рождественский // Вопросы языкознания – № 2, 1968. – с. 3-13.
15. Соссюр, Ф. де Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. – 280 с.

16. Шарадзенидзе, Т.С. Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и ее место языкознании XIX-XX веков [Текст] / Т.С. Шарадзенидзе. – М.: Наука, 1980. – 133 с.
17. Щедровицкий, Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия [Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во «Наследие ММК», 2005. – 798 с.
18. Croft, W. Modern syntactic typology [Text] / W. Croft // Approaches to language typology – Oxford: Clarendon press, 1995. – p. 85- 144.
19. Greenberg, J.H. The diachronic typological approach to language [Text] / J.H. Greenberg // Approaches to language typology – Oxford: Clarendon press, 1995. – p. 145-166.
20. Osthoff, H., Brugmann, K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Text] / H. Osthoff, K. Brugmann. – Leipzig, 1878.
21. Simmel, G. Probleme der Geschichtsphilosophie [Text] / G. Simmel. – München und Leipzig: Duncker und Humblot, 1922. – IX+229 S.